

ТЕЛЛЬ МАГЗАЛИЯ В КОНТЕКСТЕ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО НЕОЛИТА СЕВЕРНОЙ МЕСОПОТАМИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

© 2020 г. Т.В. Корниенко

Воронежский государственный педагогический университет, Россия

E-mail: zigzinatvk@gmail.com

Поступила в редакцию 15.10.2019 г.

Телль Магзалия — уникальный памятник позднего докерамического неолита на территории Северного Ирака, исследованный советской экспедицией в 1970-х годах. К настоящему времени изучение становления неолитического образа жизни на территории Передней Азии значительно продвинулось в технологическом и методологическом плане, в накоплении фактического материала и концептуальном его осмыслении. При этом данные Телля Магзалия не всегда учитываются в сводных работах, посвященных неолитизации переднеазиатского региона. Связано это, как представляется, с отсутствием серии радиоуглеродных дат из Телля Магзалия и — в еще большей степени — с отсутствием сопоставимых по времени функционирования с Теллем Магзалия других исследованных памятников в североиракском очаге неолитизации. В статье рассматривается положение Телля Магзалия в системе ранне-неолитических поселений Северной Месопотамии и сопредельных территорий с привлечением данных, полученных за последние десятилетия.

Ключевые слова: докерамический неолит, ранний керамический неолит, Магзалия, Чайоню, североиракский очаг неолитизации.

DOI: 10.31857/S086960630012626-7

Один из ведущих археоботаников современности, Дж. Уиллкокс, выделяет в зоне Плодородного полумесяца пять очагов (групп/кластеров поселений) первичной культивации диких злаков в условиях изменения климата на рубеже плейстоцена и голоцена (рис. 1), отмечая, что эти данные могут еще уточняться (Willcox, 2013). Поставленные в середине прошлого века вопросы “почему там и тогда, каким образом” совершился переход к производящему хозяйству (Childe, 1936; 1951; Braidwood R., Braidwood L., 1953) остаются сейчас актуальными¹.

Как показали палеоклиматические исследования, в частности изучение отложений замкнутых водоемов — Мертвого моря и ряда озер (Rossignol-Strick, 1999; Jones et al., 2007; Weninger et al., 2009; Willcox et al., 2009; Riehl et al., 2015 и др.), раннеголоценовый глобальный теплый тренд не был монотонным, он нарушался чередой кратковременных похолоданий. Эти колебания температур эпохи

позднего плейстоцена — раннего голоцена стали дополнительным вызовом для социально-экономических адаптаций коллективов людей на территории Юго-Западной Азии.

На сегодняшний день схематически картину можно представить следующим образом: в период после последнего ледникового максимума 25/24000–19/18000 л.н.², которому в Передней Азии соответствовала крайняя аридизация, с некоторым потеплением и увлажнением климата в жизни бродячих охотников и собирателей региона наметились изменения — кебарийская и небекийская культуры. С началом резкого глобального потепления и увеличения увлажненности, примерно 15/14500–13500 л.н., в южных ранее засушливых областях по материалам памятников фиксируются новшества, связанные с переходом к специализированному собирательству зерновых и бобовых и появлением оседлого образа жизни — это время оформления натуфийской культуры. Пережив ухудшение условий в период позднего дриаса 12800–11700 л.н., который по данным археологии соответствует позднему

¹ Подробнее о современных теориях перехода человеческих коллективов к оседлости и производящей экономике см.: Var-Yosef, 2017. Р. 300–311.

² Здесь и далее даты калиброванные.

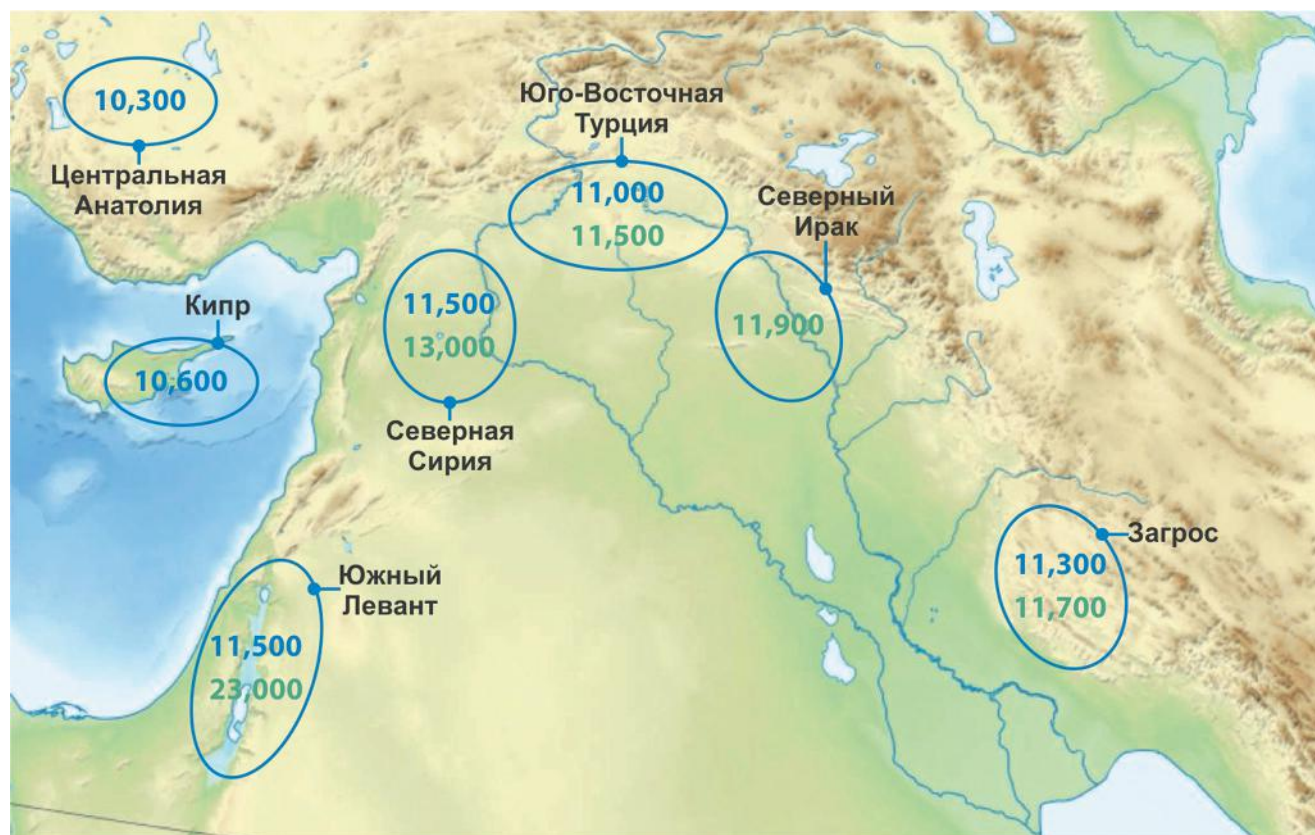

Рис. 1. Карта Юго-Западной Азии с указанием основных очагов происхождения земледелия. Зеленым цветом даны даты (калиброванные) фиксации и раннего использования дикорастущих предков культурных растений на поселениях, синим — фиксации остатков domesticiрованных растений (по: Willcox, 2013).

Fig. 1. Map of Southwestern Asia showing the main centres of origin of agriculture. Green indicates calibrated dates fixing the early use of wild ancestors of cultivated plants in settlements, blue — calibrated dates of the remains of domesticated plants (after Willcox, 2013)

этапу натufийской культуры (примерно 13500–11700 л.н.), люди, воспользовавшись устойчивым увлажнением эпохи раннего голоцена, от специализированного собирательства и экспериментов по выращиванию злаков перешли к земледелию с доместикацией различных видов растений — период докерамического неолита А или PPNA³ (примерно 11700–10500 л.н.). В VIII тыс. до н.э., на среднем этапе докерамического неолита Б / MPPNB (период PPNB следует за PPNA и в целом датируется примерно 10500–8400 л.н.), фиксируется переход к скотоводству. Во время очередного резкого изменения климата в сторону похолодания и уменьшения осадков, которое произошло 8600–8000 л.н., на фоне переживаемого кризиса активизируются миграционные процессы, происходит очередное изменение системы расселения и характеристик материальной культуры (Bar-Yosef, 2017. P. 305, 307–309. Fig. 19, 2).

³ Pre-Pottery Neolithic A (англ.).

Методики определения возраста дописьменных памятников, прежде всего по ¹⁴C, постоянно совершенствуются, в некоторых местах проводятся повторные раскопки. Радиоуглеродные даты ранненеолитических памятников Передней Азии, проходя процедуру калибровки, сейчас пересматриваются (Le site néolithique..., 2008. P. 21–32, 662; Erim-Özdoğan, 2011a. P. 192, 193; PPNB; и др.). Без учета этих обстоятельств напрямую соотносить даты, представленные по результатам исследований в публикациях 1970 — начала 1990-х и 2000–2010-х годов, не вполне корректно. Говоря о периоде PPNB (наиболее длительном и динамичном) в настоящее время, помимо раннего, среднего и позднего этапов иногда называют финальный — FPPNB. Однако в большинстве случаев, учитывая значительное отличие материалов этого времени от характеристик предыдущих этапов PPNB, его выделяют в отдельный период — PPNC⁴, завершающий эпоху докерамического неолита (рис. 2).

⁴ Подробнее см., например: The Neolithic in Turkey..., 2011.

PERIODS	Epi-Paleolithic / Proto-Neolithic		PPNA		PPNB		Final/PPNC		Pottery Neolithic		Chalcolithic		cal. BC		
	11.000	10.500	10.000	9.500	9.000	8.500	8.000	7.500	7.000	6.500	6.000	5.500		5.000	4.500
DATES	Northern Syria												Northern Iraq	cal. BC	
	Southeastern Turkey														
	The Euphrates basin												The Tigris basin		
Abu Hureyra	I								II						
Mureybet			IA	IB	IIA	IIIB	IIIA	IIIB	IVA	IVB					
Jerf el Ahmar					I	II	III								
Tell Halula									I		II				
Tell Qaramel		I	II		III										
Tell 'Abr					?										
Dja'de						I	II	III		IV					
Akarçay Tepe								VI	V	IV	III	II-I			
Mezraa-Teiilat								?	V	IV	III	IIB	IIA	Halaf	
Göbekli Tepe		?	III		II										
Nevalı Çori															
Cafer Höyük															
Karahan Tepe					?			?							
Çayönü Tepesi				Round	Grill	Channeled		Cobble Paved	Cell	Large Room		Pottery			
Hallan Çemi															
Gusir Höyük															
Sumaki Höyük									?	4	3	2	1		
Körtik Tepe				IV	VI	V	III	II	I						
Qermez Dere				I		II									
Nemrik				?	I	II	III	?							
Magzalia									?						
DATES	11.000	10.500	10.000	9.500	9.000	8.500	8.000	7.500	7.000	6.500	6.000	5.500	5.000	4.500	
PERIODS	Epi-Paleolithic / Proto-Neolithic		PPNA		PPNB		Final/PPNC		Pottery Neolithic		Chalcolithic				

Рис. 2. Сводная хронологическая таблица основных памятников Северной Месопотамии эпохи эппалеолита и раннего неолита (составлена по данным: PPND; The Neolithic in Turkey..., 2011. P. 270 и др.).

Fig. 2. Summary chronological table of the key sites of Northern Mesopotamia of the Epipaleolithic and Early Neolithic (after PPND; The Neolithic in Turkey..., 2011. P. 270 et al.)

Проблема определения возраста конкретных памятников, а также хронологического сопоставления границ периодов эппалеолита и неолита для выделяемых в Юго-Западной Азии очагов неолитизации сохраняется.

Ухудшение климатических условий, вероятно, стало одним из факторов, повлиявших на затухание яркой культуры докерамического неолита. Однако оно не прервало сложившихся уже в отдельных очагах переднеазиатского региона сельскохозяйственных традиций, но, наоборот, способствовало их распространению на соседние подходящие для земледелия и скотоводства территории. Вторая половина VII–VI тыс. до н.э. известны как время становления и распространения культур керамического неолита.

Результаты комплексных исследований последних десятилетий показывают, что переход к сельскому хозяйству осуществлялся на протяжении нескольких тысячелетий в различных частях Плодородного полумесяца разными путями (с доместикацией различных видов растений и животных), не всегда синхронно и зачастую непоследовательно (Корниенко, 2018. С. 168–171). Северная Месопотамия, являясь центральной частью Плодородного полумесяца и отличаясь по данным материальной культуры определенной спецификой, включает в себя три очага становления производящей экономики, локализуемых в Северной Сирии, Юго-Восточной Турции и Северном Ираке (рис. 1). Если обратиться к установленным датам времени появления растений с признаками доместикации, можно заметить, что оно определяется близким для материалов из памятников Северной Сирии и Южного Леванта — 11500 л.н.; на памятниках предгорий Загроса растения с признаками доместикации фиксируются на 200 лет позже — 11300 л.н.; в Юго-Восточной Турции еще позже — 11000 л.н. (Willcox, 2013). Для группы памятников Северного Ирака такая информация до сих пор остается неясной, что главным образом связано с прерыванием по политическим причинам в 1980-х годах комплексных стационарных работ в данном регионе. Остатки материальной культуры VIII–VII тыс. до н.э. в этом очаге неолитизации исследованы крайне ограниченно.

В связи с вышесказанным понятно, насколько большое значение имеют результаты немногих проводившихся в Северном Ираке раскопок памятников ранненеолитического времени. Одним из таких уникальных объектов эпохи позднего докерамического неолита

является Телль Магзалия. Он исследовался в 1977–1980 гг. советской экспедицией в ходе работ в Синджарской долине под общим руководством Р.М. Мунчаева. Раскопки проводились на площади более 600 м² на всю глубину отложений. В границах трех периодов, отмеченных крупными перестройками, выделено 16 строительных горизонтов. Мощность культурного слоя в центре поселения составила 8,2 м. Жизнь на поселении не прерывалась периодами запустения и, вероятно, продолжалась на протяжении 500–800 лет. Первоначально телль занимал около 0,65 га. По итогам раскопок изучена приблизительно 1/10 часть памятника (Бадер, 1989. С. 11, 19–52).

На Телле Магзалия, так же как и на соседних предхассунского времени теллях — Сотто и Кюльтепе, раскопками руководил Н.О. Бадер. Основные результаты работ опубликованы им и его коллегами в ряде статей и монографий (Бадер, 1989; 2011; Early stages..., 1993; Bader, Le Mièrre, 2013 и др.).

К началу работ советских археологов в Синджарской долине ранненеолитические поселения в ряде районов на территории “холмистых флангов” Плодородного полумесяца некоторое время уже исследовались (Бадер, 1989. С. 199–228). Термины “докерамический неолит А”, “докерамический неолит Б”, “процесс неолитизации” только вводились в научный оборот; ставились задачи выяснения хронологических и региональных характеристик материала.

К настоящему времени изучение становления неолитического образа жизни на территории Передней Азии значительно продвинулось в технологическом и методологическом плане, накоплении фактического материала и концептуальном его осмыслении. При этом данные Телля Магзалия, оставаясь в некоторой изоляции, не всегда учитываются в сводных работах, посвященных неолитизации переднеазиатского региона. Связано это, как представляется, с отсутствием **серии** радиоуглеродных дат, полученных по материалам Телля Магзалия⁵, и в еще большей степе-

⁵ Для радиоуглеродного анализа здесь удалось получить только один образец, который был взят из очаговой ямы в верхних слоях памятника. Радиоуглеродной группой лаборатории географического почвоведения Института географии АН СССР на основе анализа этого образца с применением разных методов очистки были определены две даты — 8010±50 и 7490±50 лет назад, первая из которых, по мнению авторов, более достоверна (Черкинский, 1989).

ни — с отсутствием сопоставимых по времени функционирования с Теллем Магзалия других исследованных памятников в североиракском кластере поселений Плодородного полумесяца.

Отметим, что в Северном Ираке в 1980-х годах проводились спасательные раскопки ранненеолитических поселений Кермез Деро (английской экспедицией под руководством Т. Ваткинса) и Немрик 9 (польской экспедицией под руководством С. Козловского), датированных X — первой половиной VIII тыс. до н.э. (PPND). Материалы этих памятников относятся к PPNA и EPPNB периодам (Watkins et al., 1989; 1995; Kozłowski, 2002). Своими характеристиками они сильно отличаются от археологических данных Телля Магзалия. На рубеже 1987 и 1988 гг. сотрудники Эдинбургского университета под руководством С. Кэмпбелл осуществляли спасательные раскопки телля Гинниг. Время функционирования поселения определено начальным этапом раннего керамического неолита. Отмечаются параллели с неолитическим комплексом Телля Магзалия. С. Кэмпбелл и Д. Бэирд высказали предположение о возможном наличии уровня позднего докерамического неолита в культурном слое холма Гинниг (Campbell, Baird, 1990).

Н.О. Бадер, определяя время жизни на Телле Магзалия периодом позднего докерамического неолита, в более ранних работах датировал материалы этого памятника в пределах VII тыс. до н.э. (Бадер, 1989 и др.), в одной из последних публикаций — концом VIII тыс. до н.э. (Бадер, 2011).

Постараемся уточнить место Телля Магзалия в системе ранненеолитических поселений Северной Месопотамии и сопредельных территорий с использованием доступного объема данных.

Проследить состояние климата в динамике на протяжении столетий функционирования неолитического поселения на Телле Магзалия, к сожалению, не представляется возможным. Для спорово-пыльцевого анализа в доисторических слоях памятника был отобран один образец (взят из-под каменных фундаментов построек горизонта 9). Анализ показал, что в целом условия увлажнения были лучшими по сравнению с современными. Растительность на прилегающей территории была представлена злаково-разнотравными степями и саваннами, вдоль реки существовали заросли деревьев и кустарников. На отрогах близлежащих гор росли средиземноморские и горные

широколиственные леса, в которых преобладали различные виды дуба (Зеликсон, Кременецкий, 1989).

Остатки domesticiрованных растений — пшеницы однозернянки и двузернянки, ячменя пленчатого — на Телле Магзалия обнаружены во всех слоях памятника (Лисицына, 1989). Остеологические остатки домашних животных в слоях первого (наиболее раннего) периода существования поселения (горизонты 1–5) не встречены. В палеозоологической коллекции из этих слоев абсолютно преобладают кости дикого осла, обыкновенной газели и быка. В 5 и 6 горизонтах количество костей дикого осла сокращается, преобладают остатки барана и козы, по мнению Д.В. Гаджиева, скорее всего уже одомашненных. Смена происходит достаточно быстро. С этого времени и до конца существования поселения остатки диких и домашних животных равноправно представлены в коллекции. Все самки в стаде овец были безрогими, что говорит о довольно длительном предшествующем периоде одомашнивания. В верхних слоях, наряду с бараном и козой, появляется значительное количество молодых особей свиньи. По нескольким мелким костям среди бесспорных остатков тура определяется также использование в хозяйстве крупного рогатого скота (Гаджиев, 1989. С. 298, 299). Н.О. Бадер считал вполне вероятной возможность внешнего заимствования жителями поселения domesticiрованных особей в течение времени накопления отложений 5–6 культурных горизонтов Телля Магзалия (Бадер, 1989. С. 108).

Знание того, что domestикация животных в первичных очагах неолитизации фиксируется в среднем докерамическом неолите Б, при соотнесении с данными о внешнем заимствовании жителями Телля Магзалия (уровни 5–6) domesticiрованных особей с признаками длительного предшествовавшего периода одомашнивания, говорит в пользу отнесения отмеченных культурных горизонтов Телля Магзалия ко времени позднего докерамического неолита Б (LPPNB) или PPNC.

Давая характеристику материальной культуре Телля Магзалия, Н.О. Бадер констатирует, что ее определяют совершенная техника раскалывания и обработки камня, которая сохраняет мезолитические традиции; разнообразные орудия на ножевидных пластинах из обсидиана и кремня, шлифованные орудия, резная кость и совершенные орудия из кости;

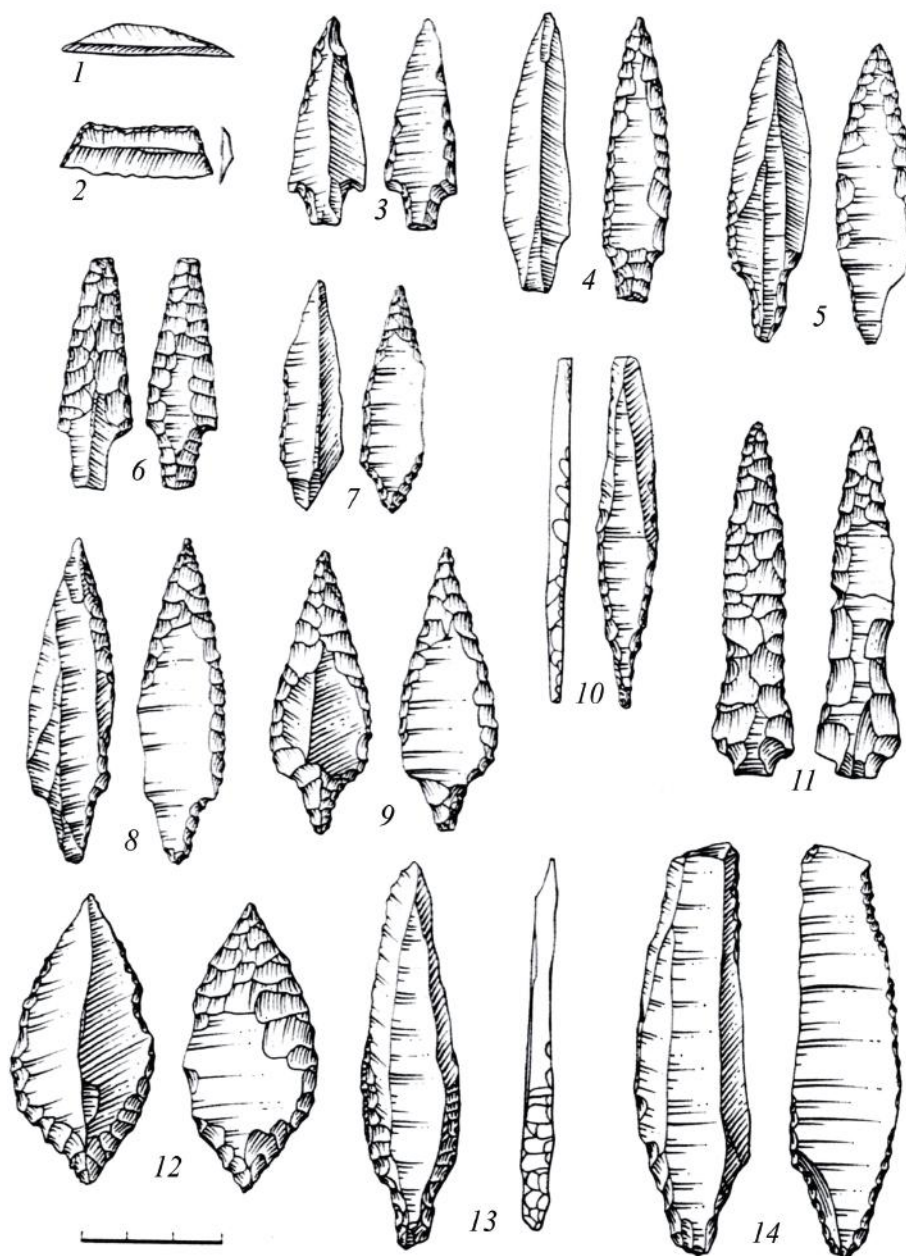

Рис. 3. Телль Магзалия. Геометрические вкладыши и наконечники стрел из кремня (по: Бадер, 1989. Табл. 27).
Fig. 3. Tell Magzalia. Geometric inserts and arrowheads made of flint (after Bader, 1989. Tab. 27)

мраморные сосуды, браслеты и подвески, глиняные и зооморфные фигурки, наконец, мелкие кованые орудия из самородной меди. Нет глиняной, но уже встречается примитивная гипсовая посуда, совершенные плетеные изделия. Орудия охоты сочетаются с земледельческими, в том числе жатвенными ножами и зернотерками (Бадер, 1989. С. 57–108). На протяжении существования поселения Телля Магзалия культура не претерпевала заметных изменений: практически неизменными остаются соотношения основных групп

орудий и их типология (Бадер, 1989. С. 64, 315–319).

В каменном инвентаре этого памятника большие серии составляют пластины из обсидиана и кремня, шлифованные топоры, кремневые наконечники стрел (ни одного наконечника из обсидиана не найдено). Найдено всего два геометрических вкладыша из кремневых ножевидных пластин — сегментовидное орудие и трапеция (рис. 3, 1, 2) (Бадер, 1989. С. 57–59). Наконечники встречаются как черешковые, так и листовидные (Бадер, 1989.

С. 59, 91, 318). Среди первых есть образцы библосского типа (рис. 3, 3, 6), связанного с Левантом, однако в период PPNB широко распространившегося и за его пределами; среди вторых — образцы листовидного варианта немрикского типа (рис. 2, 12), местного, характерного для североиракских раннеолитических памятников. В верхних уровнях значительно более раннего североиракского памятника Кермез Деро наконечники немрикского типа соседствуют с наконечниками типа эль-хиам, распространившегося с территории Леванта в начале и середине PPNB. Наконечники эль-хиамского типа исчезают в поздних уровнях культурного слоя Немрик (EPPNB) и полностью отсутствуют в материалах теллей Магзалия и Генниг. В коллекции теллей Генниг, Телюль эс-Таласат, ряда других раннекерамических памятников Северной Месопотамии, так же как в Телле Магзалия, отмечается соседство наконечников немрикского и библосского типов (Campbell, Baird, 1990. P. 75).

По замечанию Н.О. Бадера, жатвенные ножи Телля Магзалия могут быть разделены на два типа. Первую группу образуют правильные крупные ножевидные пластины из высококачественного желтого кремня, скорее всего импортного. Пластины не ретушированы, но имеют явные следы работы. Вторая группа — ретушированные пластины из обсидиана (рис. 4). Зубчатая ретушь нанесена с брюшка или со спинки под острым углом к рабочему краю (Бадер, 1989. С. 90, 92. Табл. 26, 28). Многие орудия на одном из концов имеют неретушированный выступ. По этому характерному признаку Н.О. Бадер назвал их жатвенными ножами с шипом⁶. Он отмечал, что в Шимшаре найдено целое такое орудие; точно такие же орудия встречены в Чайоню Тепеси (тождественны форма и техника обработки) (Бадер, 1989. С. 59).

Часть отмеченных традиций, прежде всего в обработке камня, сохранится в эпоху раннего керамического неолита, что можно увидеть

⁶ В зарубежных публикациях их обычно называют “Çayönü tools” или “Çayönü rods” — орудия Чайоню — по названию памятника, где они были впервые встречены; а также “beaked blades” или “tools with a steep lamellar retouch” — пластины с клювом или пластины с зубчатой ретушью — по характерным признакам формы и способам обработки края. Различают подтипы таких орудий. Их функциональное предназначение, очевидно, было шире определения “жатвенные ножи” (Fujii, 1988; The Neolithic in Turkey..., 2011 и др.).

по материалам теллей Сотто (Бадер, 1989. С. 142, 143), Умм Дабагия, Гинниг (Campbell, Baird, 1990. P. 75, 76) и других памятников зоны Плодородного полумесяца, в том числе соседних с Северным Ираком областей Юго-Восточной Турции и Загроса.

По коллекции каменного инвентаря и ряду иных показателей определенные параллели со свидетельствами Магзалия демонстрируют материалы: четвертой стадии культурных отложений докерамического неолита на Чайоню Тепеси (рис. 2) (верхний уровень субфазы строений с клетчатым планом (Cell Building) и субфаза строений с большой комнатой (Large Room Building), которые исследователи этого памятника определяют периодом PPNC) (Özdoğan, 1999. P. 41, 42; Erim-Özdoğan, 2011a. P. 194, 211–225); некоторых других поселений Анатолии позднего докерамического неолита (Bader, Le Mièrre, 2013. P. 515), а также материалы памятников Загросского региона переходного от докерамического к керамическому неолиту времени (Телль Шимшара) и раннего керамического неолита (Джармо, Тепе Гуран, Тепе Сараб, в меньшей степени Али Кош) (Fujii, 1988. Fig. 3; Бадер, 1989. С. 107, 108; Helwing, 2014. P. 340–344).

Отметим, что в Чайоню ретушированные обсидиановые пластины с шипом (рис. 5), впервые появившись в субфазе строений с каналами (Channeled Building Subphase), наиболее массово присутствуют среди материалов субфаз строений с клетчатым планом и строений с большой комнатой (Erim-Özdoğan, 2011a. P. 202, 214). Субфаза строений с каналами и две последующие субфазы на Чайоню соответствуют времени жизни на поселении Кафер Хюк (см. рис. 2), в культурном слое которого также встречены так называемые орудия Чайоню (Fujii, 1988. Fig. 2). Самые ранние образцы подобных орудий упоминаются в материалах памятников Северной Месопотамии раннего докерамического неолита: М’лефаат, Немрик и Кёртык Тепе (The Neolithic in Turkey..., 2011. P. 95, 202 и др.). Однако наибольшее распространение “орудия Чайоню” получают в конце докерамического — начале керамического неолита. Помимо Чайоню, теллей Магзалия, Шимшара и Джармо такие орудия встречены на поселениях Умм Дабагия, Букра, Хассуна (рис. 6), в Сумаки Хюк (Erim-Özdoğan, 2011b. P. 31. Fig. 34, i).

А. Эрим-Оздоган обращает внимание на диски из мягких пород камня с отверстием

Рис. 4. Телль Магзалия. Obsидиановые пластины с зубчатой ретушью (фото из архива Н.О. Бадера).

Fig. 4. Tell Magzalia. Obsidian tools with a steep lamellar retouch (foto from N.O. Bader's personal archive)

по центру, сделанным встречным сверлением. Иногда эти предметы определяют как подвески, иногда — как пряслица. Видимых следов сработанности не выявлено, но везде диаметр объектов стандартный — 4–6 см, что, возможно, говорит об их особом функциональном назначении. В Чайоню они обнаружены в основном в слоях субфазы строений с большой комнатой (Erim-Özdoğan, 2011a. P. 219), на Телле Магзалия (18 экз.) — во всей толще отложений (Бадер, 1989. С. 63, 64. Табл. 38; 1993. P. 21. Fig. 2.15), на Сумаки Хююк — главным образом в слоях второй и третьей фаз развития поселения со свидетельствами переходного времени от докерамического к керамическому неолиту (Erim-Özdoğan, 2011b. P. 24, 25, 32. Fig. 35B). Стратиграфическое положение данных объектов на поселении эпохи раннего керамического неолита Салат Джами Яны не уточнено, но есть сведения об их

значительной распространенности на этом памятнике (Miyake, 2011. P. 133. Fig. 24).

Н.О. Бадер отмечал, что, широко используя гипс для изготовления сосудов, глину — при строительстве и для поделок (которые сохранили следы слабого обжига), жители Телля Магзалия “безусловно, стояли на пороге освоения глиняной посуды” (Бадер, 1989. С. 61. Табл. 29, 30). Помимо плоскодонных мисок с прямыми стенками и корыт из гипса делались большие овальные корчаги. В одном случае такой наземный бочковидный сосуд-хранилище (высота ок. 70 см) был вылеплен из глины. Он не имел следов обжига (Бадер, 1989. С. 62). Единственный обломок керамики вынут из слоя на глубине 470 см. Это маленький, плохо обожженный, рыхлый, с растительными примесями, красноватого цвета обломок небольшой ребристой чаши или горшка. Данный фрагмент соответствует

представлениям об архаической керамике, но его стратиграфическое положение, по мнению Н.О. Бадера, не безусловно (Бадер, 1989. С. 61–64; Bader, 1993. P. 21, 19. Fig. 2.12, среднее изображение в нижнем ряду).

Сосуды из грубой растрескавшейся глины в Чайюню Тепеси неоднократно встречены в верхнем уровне субфазы строений с клетчатым планом (Erim-Özdoğan, 2011a. P. 224. Fig. 43, 69). Также, как переносные гипсовые сосуды из Телля Магзалия (Бадер, 1989. Табл. 29, 30; Bader, 1993. P. 16), по формам они близки современным им каменным образцам.

Восемь неолитических захоронений выявлено в толще отложений 3-го периода Телля Магзалия. Их создавали под полами жилых домов, что в целом характерно для времен эпипалеолита и неолита. Все погребения первичны и индивидуальны, расположены по одному или группами, сделаны, как правило, в неглубоких ямах, стенки которых обкладывались камнями или каменными плитами. Умерший лежал на боку в позе эмбриона, иногда под голову погребенного был положен камень. Все погребения, за единственным исключением, безынвентарные (Бадер, 1989. С. 52–57).

Вместе с тем известно, что среди погребальных практик PPNA, PPNB периодов на территории Леванта и Северной Месопотамии были распространены обычаи перезахоронения, разделения на части скелетов, а также тел умерших, специального очищения костей от мягких тканей, их отдельного погребения. Обычны были коллективные захоронения, для совершения которых на некоторых поселениях функционировали специально оформленные места и постройки, однако чаще погребения делались под полами жилых или заброшенных домов, иногда в пространствах между домами. Особое внимание уделялось черепам и длинным костям. В ряде случаев фиксируются индивидуальные жертвенные погребения частей скелета или неполных скелетов (Kornienko, 2015). Погребения предхассунского и хассунского времени обычно индивидуальные, часто их совершали в сосудах, характерно расчленение тела (Бадер, 1989. С. 132–134).

Для загросской группы памятников эпохи докерамического неолита известны как коллективные захоронения черепов в яме (в частности, это материалы самого раннего слоя на Тепе Гуран), так и индивидуальные погребения умерших в скорченном положении,

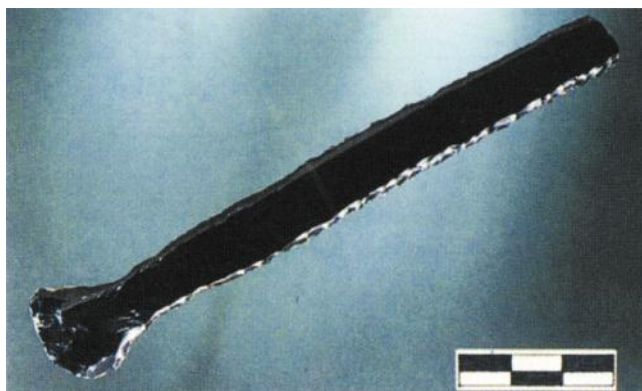

Рис. 5. Чайюню Тепеси. “Орудие Чайюню” (по: Erim-Özdoğan, 2011a. Fig. 66).

Fig. 5. Çayönü Tepesi. “The Çayönü tool” (after Erim-Özdoğan, 2011a. Fig. 66)

посыпанные охрой (встречены в Шейх и-Абаде, Гандж Даре, Чиа Сабз Ист, Али Кош (Helwing, 2014. P. 339)).

Выше уже отмечалась специфика северо-месопотамских памятников эпохи докерамического неолита, которая заметна в большем сходстве их материалов между собой по сравнению с современными им данными памятников Загроса и Южного Леванта. На Чайюню Тепеси в нижнем уровне субфазы строений с клетчатым планом после обряда погребения Здания черепов, служившего долгое время для жителей поселения местом захоронений (с проведением сложных, многоступенчатых действий с человеческими останками), погребения стали совершать под полами домов. Это первичные и, как правило, индивидуальные захоронения. Расположены они по одному или группами. Иногда фиксируется разделение участков размещения погребенных рядом камней для обозначения границ индивидуальных могил. Умершие уложены на правом или левом боку в согнутом или полусогнутом положении (поза эмбриона), лицом вниз. Кости в могилах анатомически целы. Погребения в большинстве случаев сопровождаются разнообразными дарами. В последующих уровнях субфазы строений с клетчатым планом количество могил и особенно разнообразие даров уменьшается; кости погребенных, как правило, сильно повреждены. На исследованной территории в уровнях субфазы строений с большой комнатой захоронений не выявлено (Erim-Özdoğan, 2011a. P. 209, 210, 213).

Можно заметить, что многие характеристики погребального обряда субфазы строений с клетчатым планом на Чайюню, сильно

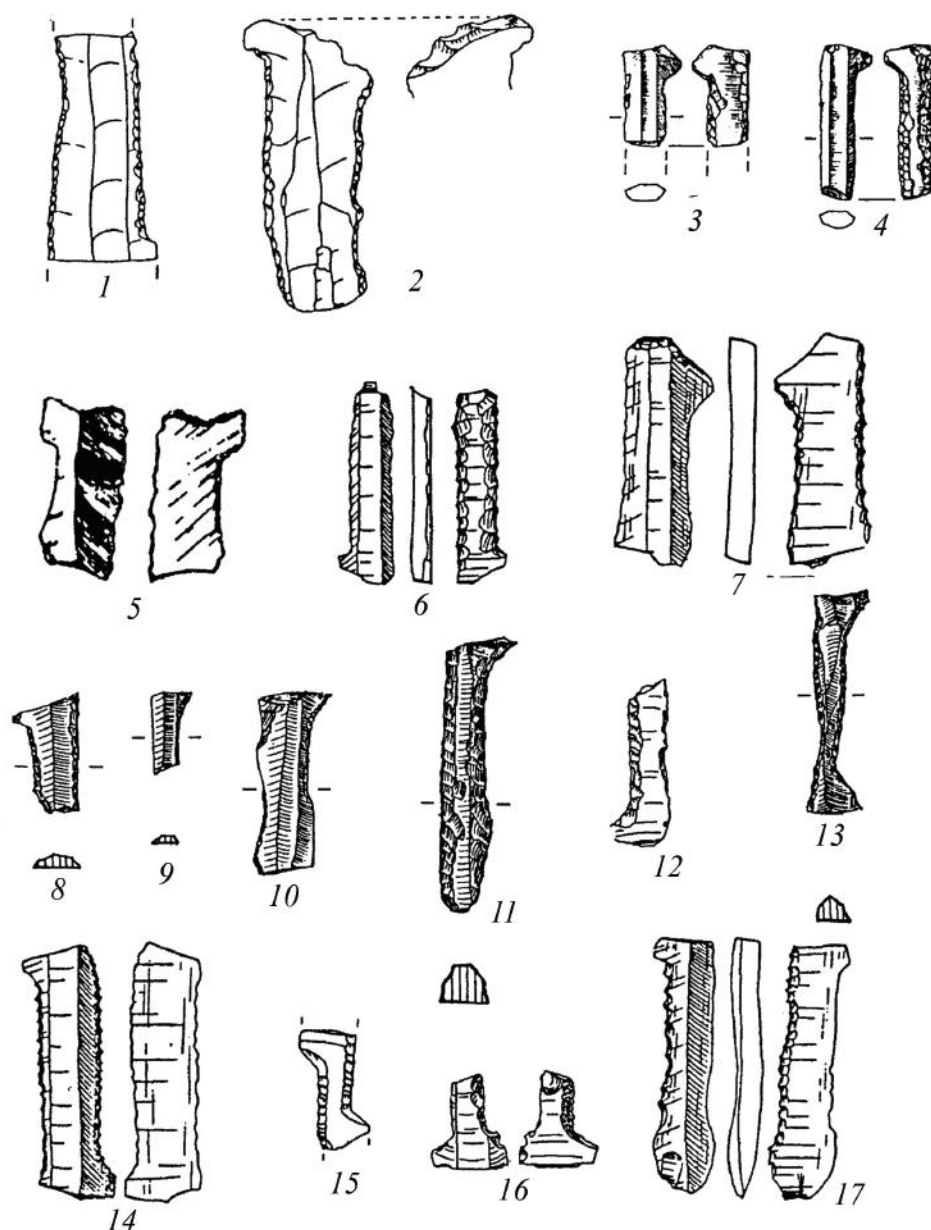

Рис. 6. “Орудия Чайюню”: 1, 2, 15 – Букра; 3, 4 – Умм Добагия; 5 – Телль Хассуна; 6, 7, 14, 17 – Магзалия; 8–11, 13 – Шимшара; 12, 16 – Джармо (по: Fujii, 1988. Fig. 3).

Fig. 6. “The Çayönü tools” (after Fujii, 1988. Fig. 3)

отличаясь от погребальных традиций, зафиксированных в предыдущих уровнях этого памятника, перекликаются с характеристиками погребального обряда Телля Магзалия. В обоих случаях захоронения создавались под полами жилых домов, они первичны, не несут следов расчленения и/или удаления частей тел, в большинстве индивидуальны, умерший положен на боку в позе эмбриона, могилы иногда обкладывались камнями. Есть различия в ориентации тел погребенных, сопровождении их дарами.

В целом объекты символического значения на Телле Магзалия близки к материалам времени финала докерамического и начала керамического неолита. В коллекции каменных и глиняных фигурок (Бадер, 1989. С. 64. Табл. 40–42), собранной на этом поселении, преобладают реалистичного вида зооморфные фигурки, реалистически и условно выполненные антропоморфные статуэтки, в том числе сидящих женщин, типологически сопоставимые с фигурками Тепе Сараба, Джармо (Broman Morales, 1990; Helwing, 2014. P. 343) и

Рис. 7. Телль Магзалия. Западный фасад оборонительной стены с перестройками (участки 264, 267) (фото из архива Н.О. Бадера).

Fig. 7. Tell Magzalia. Western facade of the defense wall with restructuring (sections 264, 267) (foto from N.O. Bader's personal archive)

слоев позднего докерамического неолита Чай-оню Тепеси (Erim-Özdoğan, 2011a. Р. 192–194, 223).

Крупных скульптур, стел, масок и/или их миниатюр из камня; каменных плит, чаш, “утюжков” с процарапанными или рельефными изображениями; культовых построек общественного назначения — чем знамениты памятники Северной Месопотамии X–VIII тыс. до н.э., на исследованных участках в Телле Магзалия не выявлено. На поселениях Северной Месопотамии PPNA и PPNB времени (Халлан Чеми, Немрик 9, Невали Чори, Кермез Дер, Чайоню, Джерф эль-Ахмар и др.) каменные чаши с рельефным или процарапанным рисунком, скульптурно оформленные пестики и другие декорированные объекты из камня, так же как вторичные и коллективные погребения, помимо участков особого назначения, встречаются в жилых и хозяйственных зонах.

Несомненно, выдающимся архитектурным объектом Телля Магзалия является обводная стена, которая была построена и использовалась в течение второго и третьего этапов жизни поселения. И если для второго этапа ее остатки интерпретируются как остатки изгороди на краю поселения, то для третьего этапа, где она изучена на протяжении более 50 м

(в том числе выявлены входы и конструкция типа башни — “бастион 236”), Н.О. Бадер определенно квалифицирует ее как оборонительную (Бадер, 1989. С. 38–47; 2011)⁷. Сохранившиеся участки стены сложены из крупных камней и больших поставленных на ребро каменных плит (рис. 7). Некоторые плиты в поперечнике достигают полутора метров (Бадер, 1989. С. 42–47. Табл. 13, 15, 16, 18, 20).

Третий период объединяет 13–16 строительные горизонты на вершине холма. В это время поселение состояло из больших прямоугольных многокомнатных домов (пл. 80–100 м²) и было обнесено оборонительной стеной (горизонты 13, 14). Горизонты 15, 16 демонстрируют начавшееся запустение: “застройка становится менее интенсивной, оборонительная стена не возобновляется” (Бадер, 1989. С. 52).

Отмечалось, что изначально поселение возникло на традиционных путях обмена сырьем — большое количество обсидиана, высококачественный желтый кремний и медь были принесены на Телль Магзалия из удаленных районов (Бадер, 1989. С. 107). Обсидиановые пластины абсолютно преобладают над

⁷ Кроме того, стена укрепляла склон холма и позволила выровнять часть жилой поверхности поселения (Бадер, 1989. С. 47).

отщепами. Этот факт свидетельствует в пользу того, что предварительная обработка обсидиана проводилась в других местах, в Телль Магзалия он доставлялся в виде заготовок (Бадер, 1989. С. 57; Bader, 1993. Р. 13). Больше всего обсидиана встречено в нижних слоях. На протяжении существования поселения количество обсидиана постепенно сокращается. На первом этапе (горизонты 1–5) обсидиановые орудия труда и отходы производства составляют почти три четверти коллекции; в средней части толщи (горизонты 6–12) — около двух третей; на поселении за стенами количество кремня и обсидиана сравнивается, а начиная с 14 горизонта кремень преобладает (Бадер, 1989. С. 107, 315–319).

Замечание Н.О. Бадера о том, что строительство оборонительной стены и сильное сокращение количества обсидиана могут быть связаны между собой и объясняться конфликтами из-за сырья, а запустение памятника — нарушением сложившихся торговых путей (Бадер, 1989. С. 107), представляется важным.

Четвертую стадию функционирования ранненеолитического поселения Чайоню, материалы которого переключаются с данными Телля Магзалия и дают радиоуглеродные даты в пределах 7180–6820 кал. лет до н.э., определяют периодом PPNC, характеризующимся как время “коллапса и вырождения” или же “вырождения и изменений” культуры докерамического неолита, начала раннего керамического неолита (Özdoğan, 1995. Р. 82; Erim-Özdoğan, 2011a. Р. 193, 194 и др.). В слоях этого времени на Чайоню отмечены следы многочисленных затоплений, вероятно, повлиявших на изменение структуры поселения. Системный кризис отразился, помимо прочего, на идеологической сфере жизни — многие ранее существовавшие традиции, например в погребальном обряде, архитектурном оформлении общественной зоны восточной части поселения нарушаются (Erim-Özdoğan, 2011a. Р. 212).

Исследования памятников Северной Месопотамии в Юго-Восточной Анатолии и Северной Сирии, а также юга Леванта (Bar-Yosef, 2017. Р. 310) и загросского очага неолитизации (Helwing, 2014. Р. 340) показывают, что кризис первой половины — середины VII тыс. до н.э. коснулся всех отмеченных регионов. С началом ухудшения климатических условий

и, вероятно, под влиянием иных факторов⁸ в отмеченный период большая часть действовавших длительное время поселений была заброшена, на других фиксируются признаки упадка и структурных изменений. Изменение пространственной организации сети населенных пунктов нарушало систему работавших прежде торговых путей.

Очень похоже, что материалы третьего этапа культурного слоя Телля Магзалия, дающие представление о постепенном ухудшении условий жизни на поселении и в конечном итоге его запустении, относятся к переходному времени от докерамического к керамическому неолиту. В конце третьего этапа поселение Магзалия было оставлено жителями. Следов насильственных разрушений или пожаров в слоях этого памятника не обнаружено.

В целом сопоставление материалов Телля Магзалия с материалами других ранне-неолитических памятников Северной Месопотамии и сопредельных регионов, в том числе исследованных за последние десятилетия, с привлечением данных, полученных с помощью современных методов датирования и палеоклиматологии, позволяют отнести время функционирования этого поселения к концу LPPNB и PPNC, переходной от докерамического к раннему керамическому неолиту эпохе (рис. 2). В абсолютных датах для памятников Северной Месопотамии оно определяется концом VIII — первой половиной VII тыс. до н.э. Будущие исследования в Северном Ираке, вероятно, дадут уточнения.

Я благодарна Н.О. Бадеру за часть переданных в свое время фотографий и беседы о Телле Магзалия, Р.М. Мунчаеву и Ш.Н. Амирову за допуск к работе с архивом и разрешение на публикацию некоторых иллюстраций этого памятника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука, 1989. 368 с.

⁸ Среди них называют непредвиденные последствия культивирования почв при низком уровне на начальном этапе агрокультуры; изменение экосистем из-за постоянного использования природных ресурсов длительное время проживающими на одном и том же месте увеличивавшимися коллективами; появление в больших совместно проживающих группах людей заразных болезней, в том числе зоонозов, с началом одомашнивания животных; рост социального напряжения, межличностных и межгрупповых конфликтов (Goring-Morris et al., 2009. Р. 211, 216, 217, 219 и др.).

- Бадер Н.О. МАГЗАЛИЯ // Большая российская энциклопедия. Т. 18. М.: Большая российская энциклопедия, 2011. С. 334.
- Гаджиев Д.В. Фауна с поселения Телль Магзалия // Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука, 1989. С. 297–299.
- Зеликсон Э.М., Кременецкий К.В. Палеогеография района Джебел Синджара (Северный Ирак) в VII–VI тысячелетиях до н.э. // Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука, 1989. С. 285–290.
- Корниенко Т.В. Пищевые ресурсы в экономике и ритуальных практиках северомесопотамских сообществ переходной к неолиту эпохи // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7., № 4 (25). С. 167–177.
- Лисицына Г.Н. Древнейшие палеоэтноботанические находки в Северной Месопотамии // Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука, 1989. С. 291–297.
- Черкинский А.Г. Радиоуглеродная датировка поселений Телль Магзалия и Телль Сотто // Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М.: Наука, 1989. С. 313–314.
- Bader N.O. Tell Maghzaliyah: An Early Neolithic Site in Northern Iraq // Early Stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization: Soviet Excavations in Northern Iraq / Eds N. Yoffee, J.J. Clark. Tucson: Univ. Arizona Press, 1993. P. 7–40.
- Bader N., Le Mièrre M. From Pre-Pottery Neolithic to Pottery Neolithic in the Sinjar // Interpreting the Late Neolithic of Upper Mesopotamia, Publications on Archaeology of the Leiden Museum of Archaeology (PALMA) / Eds O. Nieuwenhuys, R. Bernbeck, P.M.M.G. Akkermans, J. Rohasch. Turnhout: Brepols Publishers, 2013. P. 513–520.
- Bar-Yosef O. Multiple Origins of Agriculture in Eurasia and Africa // On Human Nature. Biology, Psychology, Ethics, Politics, and Religion / Eds M. Ti-bayrenc, F.J. Ayala. Amsterdam: Academic Press; Boston (Mass.): Elsevier, 2017. P. 297–331.
- Braidwood R., Braidwood L. The Earliest Village Communities of Southwestern Asia // J. World History. 1953. № 1. P. 278–310.
- Broman Morales V. Figurines and other clay objects from Sarab and Çayönü. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 1990 (Oriental Institute Communications; 25). 92 p.
- Campbell S., Baird D. Excavations at Ginnig. The Aceramic to Early Ceramic Neolithic Sequence in North Iraq // Paléorient. 1990. V. 16. 2. P. 65–78.
- Childe V.G. Man Makes Himself. London: Watts & Co., 1936. 275 p.
- Childe V.G. Man Makes Himself. N. Y.: New American Library, 1951. 191 p.
- Early Stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization: Soviet Excavations in Northern Iraq / Eds N. Yoffee, J.J. Clark. Tucson: University of Arizona Press, 1993. 306 p.
- Erim-Özdoğan A. Çayönü // The Neolithic in Turkey. V. 1 / Eds M. Özdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm. Istanbul: Archaeology and Art Publications, 2011a. P. 185–269.
- Erim-Özdoğan A. Sumaki Höyük. A New Neolithic Settlement in the Upper Tigris Basin // The Neolithic in Turkey. V. 1 / Eds M. Özdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm. Istanbul: Archaeology and Art Publications, 2011b. P. 19–60.
- Fujii S. Typological Reassessment and Some Discussions on “Beaked Blade” // Bulletin of the Okayama Orient Museum. 1988. № 7. P. 1–16.
- Goring-Morris N., Hovers E., Belfer-Cohen A. The Dynamics of Pleistocene and Early Holocene Settlement Patterns and Human Adaptations in the Levant: an Overview // Transitions in Prehistory. Essays in Honor of Ofer Bar-Yosef / Eds J.J. Shea, D.E. Lieberman. Oxford & Oakville: Oxbow Books. 2009. P. 185–252.
- Helwing B. East of Eden? A review of Turkey’s Eastern neighbors in the Neolithic // The Neolithic in Turkey / Eds M. Özdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm. Istanbul: Archaeology and Art Publications, 2014. P. 321–377.
- Jones M.D., Roberts N., Leng M.J. Quantifying climatic change through the last glacial–interglacial transition based on lake isotope palaeohydrology from central Turkey // Quaternary Research. 2007. № 67. P. 463–473.
- Kornienko T.V. On the problem of human sacrifice in Northern Mesopotamia in the Pre-Pottery Neolithic // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2015. V. 43. № 3. P. 42–49.
- Kozłowski S.K. Nemrik. An Aceramic Village in Northern Iraq, with Preface by Olivier Aurenche. Warsaw: Warsaw University, 2002. 117 p.
- Le site néolithique de Tell Mureybet (Syrie du Nord), en hommage à Jacques Cauvin / Ed. J. Ibañez. Oxford: Archaeopress, 2008 (BAR International Series; 1843). 731 p.
- Miyake Y. Salat Cami Yanı. A Pottery Neolithic Site in the Tigris Valley // The Neolithic in Turkey. V. 1 / Eds M. Özdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm. Istanbul: Archaeology and Art Publications, 2011. P. 129–149.
- Özdoğan A. Life at Çayönü During the Pre-Pottery Neolithic Period (according to the artifactual assemblage) // Readings in Prehistory. Studies presented to Halet Çambel. Istanbul: Graphis Yayınları, 1995. P. 79–100.
- Özdoğan A. Çayönü // Neolithic in Turkey. The Cradle of Civilization, New Discoveries / Eds M. Özdoğan,

- N. Bajgelen. Istanbul: Archaeology and Art Publications, 1999. P. 35–63 (text), 20–35 (plates).
- PPND – the Platform for Neolithic Radiocarbon Dates. Benz M. Comments on radiocarbon dates of Epipaleolithic and Early Neolithic sites of the Near East. [Электронный ресурс] URL: https://www.exoriente.org/associated_projects/ppnd.php (дата обращения: 05.08.2020).
- Riehl S., Asouti E., Karakaya D., Starkovich B.M., Zeidi M., Conard N.J. Resilience at the transition to agriculture: the long-term landscape and resource development at the Aceramic Neolithic tell site of Chogha Golan (Iran) [Electronic resource] // BioMed Research International. 2015. 22 p. URL: <http://dx.doi.org/10.1155/2015/532481>.
- Rosignol-Strick M. The Holocene climatic optimum and pollen records of sapropel 1 in the eastern Mediterranean, 9000–6000 BP // Quaternary Science Reviews. 1999. V. 18. Iss. 4–5. P. 515–530.
- The Neolithic in Turkey. Vol. 1 / Eds by M. Özdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm. Istanbul: Archaeology and Art Publications, 2011. 271 p.
- Watkins T., Baird D., Betts A. Qermez Dere and the Early Aceramic Neolithic of N. Iraq // Paleorient. 1989. V. 15. № 1. P. 19–24.
- Watkins T., Betts A., Dobney K., Nesbitt M. Qermez Dere, Tell Afar: Interim Report no. 3. Edinburgh: University of Edinburgh, 1995. 83 p.
- Weninger B., Clare L., Rohling E., Bar-Yosef O., Böhner U., Budja M., Bundschuh M., Feurdean A., Gebe H.G., Jöris O., Linstädter J., Mayewski P., Mühlenbruch T., Reingruber A., Rollefson G., Schyle D., Thissen L., Todorova H., Zielhofer C. The Impact of Rapid Climate Change on Prehistoric Societies during the Holocene in the Eastern Mediterranean // Documenta Praehistorica. 2009. V. 36. P. 7–59.
- Willcox G. The Roots of Cultivation in Southwestern Asia // Science. 2013. V. 341. № 6141. P. 39–40.
- Willcox G., Buxo R., Herveux L. Late Pleistocene and Early Holocene climate and the beginnings of cultivation in northern Syria // The Holocene. 2009. V. 19. № 1. P. 151–158.

TELL MAGZALIA IN THE CONTEXT OF THE EARLY NEOLITHIC SITES OF NORTHERN MESOPOTAMIA AND NEIGHBOURING TERRITORIES

Tatiana V. Kornienko

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

E-mail: zigzinatvk@gmail.com

Tell Magzalia is a unique site of the late pre-pottery Neolithic in Northern Iraq studied by the Soviet expedition in the 1970s. To date, there have been significant advances in studying the formation of the Neolithic way of life in Western Asia in technological and methodological terms, in the accumulation of factual material and its conceptual understanding. However, the data on Tell Magzalia are not always taken into account in the consolidated works devoted to the neolithization of Western Asia. This seems to be connected with the absence of a series of radiocarbon dates from Tell Magzalia and, to an even greater extent, with the absence of other studied sites comparable in their occupational period with Tell Magzalia in the Northern Iraqi centre of neolithization. The article discusses the place of Tell Magzalia within the system of early Neolithic settlements of Northern Mesopotamia and neighbouring territories using data obtained over the past decades.

Keywords: the pre-pottery Neolithic, the Early Pottery Neolithic, Magzalia, Çayönü, zone of neolithization in Northern Iraq.

REFERENCES

- Bader N.O., 1989. Drevneyshiye zemledel'tsy Severnoy Mesopotamii [The earliest agriculturalists of Northern Mesopotamia]. Moscow: Nauka. 368 p.
- Bader N.O., 2011. MAGZALIA. Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia], 18. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, p. 334. (In Russ.)
- Bader N.O., 1993. Tell Maghzaliyah: An Early Neolithic Site in Northern Iraq. *Early Stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization: Soviet Excavations in Northern Iraq*. N. Yoffee, J.J. Clark, eds. Tucson: University of Arizona Press, pp. 7–40.
- Bader N., Le Mièrre M., 2013. From Pre-Pottery Neolithic to Pottery Neolithic in the Sinjar. *Interpreting the Late Neolithic of Upper Mesopotamia, Publications on Archaeology of the Leiden Museum of Archaeology*

- (PALMA). O. Nieuwenhuyse, R. Bernbeck, P.M.M.G. Akkermans, J. Rohasch, eds. Turnhout: Brepols Publishers, pp. 513–520.
- Bar-Yosef O., 2017. Multiple Origins of Agriculture in Eurasia and Africa. *On Human Nature. Biology, Psychology, Ethics, Politics, and Religion*. M. Tibayrenc, F.J. Ayala, eds. Amsterdam: Academic Press; Boston (Mass.): Elsevier, pp. 297–331.
- Braidwood R., Braidwood L., 1953. The Earliest Village Communities of Southwestern Asia. *Journal of World History*, 1, pp. 278–310.
- Broman Morales V., 1990. Figurines and other clay objects from Sarab and Cayönü. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago. 92 p. (Oriental Institute Communications, 25).
- Campbell S., Baird D., 1990. Excavations at Ginnig. The Aceramic to Early Ceramic Neolithic Sequence in North Iraq. *Paléorient*, 16, 2, pp. 65–78.
- Cherkinskiy A.G., 1989. Radiocarbon dating of the settlements of Tell Magzalia and Tell Sotto. Bader N.O. *Drevneyshiye zemledel'tsy Severnoy Mesopotamii [The earliest agriculturalists of Northern Mesopotamia]*. Moscow: Nauka, pp. 313–314. (In Russ.)
- Childe V.G., 1936. *Man Makes Himself*. London: Watts & Co., 1936. 275 p.
- Childe V.G., 1951. *Man Makes Himself*. New York: New American Library. 191 p.
- Early Stages in the Evolution of Mesopotamian Civilization: Soviet Excavations in Northern Iraq. N. Yoffee, J.J. Clark, eds. Tucson: University of Arizona Press, 1993. 306 p.
- Erim-Özdoğan A., 2011a. Çayönü. *The Neolithic in Turkey*, 1. M. Özdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm, eds. Istanbul: Archaeology and Art Publications, pp. 185–269.
- Erim-Özdoğan A., 2011b. Sumaki Höyük. A New Neolithic Settlement in the Upper Tigris Basin. *The Neolithic in Turkey*, 1. M. Özdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm, eds. Istanbul: Archaeology and Art Publications, pp. 19–60.
- Fujii S., 1988. Typological Reassessment and Some Discussions on “Beaked Blade”. *Bulletin of the Okayama Orient Museum*, 7, pp. 1–16.
- Gadzhiev D.V., 1989. Fauna from the settlement of Tell Magzalia. Bader N.O. *Drevneyshiye zemledel'tsy Severnoy Mesopotamii [The earliest agriculturalists of Northern Mesopotamia]*. Moscow: Nauka, pp. 297–299. (In Russ.)
- Goring-Morris N., Hovers E., Belfer-Cohen A., 2009. The Dynamics of Pleistocene and Early Holocene Settlement Patterns and Human Adaptations in the Levant: an Overview. *Transitions in Prehistory. Essays in Honor of Ofer Bar-Yosef*. J.J. Shea, D.E. Lieberman, eds. Oxford & Oakville: Oxbow Books, pp. 185–252.
- Helwing B., 2014. East of Eden? A review of Turkey's Eastern neighbors in the Neolithic. *The Neolithic in Turkey*. M. Özdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm, eds. Istanbul: Archaeology and Art Publications, pp. 321–377.
- Jones M.D., Roberts N., Leng M.J., 2007. Quantifying climatic change through the last glacial–interglacial transition based on lake isotope palaeohydrology from central Turkey. *Quaternary Research*, 67, pp. 463–473.
- Kornienko T.V., 2015. The issue of human sacrifice in Northern Mesopotamia in the Pre-Pottery Neolithic. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, vol. 43, no. 3, pp. 42–49.
- Kornienko T.V., 2018. Food resources in the household and ritual practices of the North Mesopotamian communities during the transition to the Neolithic. *Samarskiy nauchnyy vestnik [Samara Journal of Science]*, vol. 7, no. 4 (25), pp. 167–177. (In Russ.)
- Kozłowski S.K., 2002. Nemrik. An Aceramic Village in Northern Iraq, with Preface by Olivier Aurenche. Warsaw: Warsaw University. 117 p.
- Le site néolithique de Tell Mureybet (Syrie du Nord), en hommage à Jacques Cauvin. J. Ibañez, ed. Oxford: Archaeopress, 2008. 731 p. (BAR International Series, 1843).
- Lisitsyna G.N., 1989. The earliest palaeoethnobotanical finds in Northern Mesopotamia. Bader N.O. *Drevneyshiye zemledel'tsy Severnoy Mesopotamii [The earliest agriculturalists of Northern Mesopotamia]*. Moscow: Nauka, pp. 291–297. (In Russ.)
- Miyake Y., 2011. Salat Cami Yanı. A Pottery Neolithic Site in the Tigris Valley. *The Neolithic in Turkey*, 1. M. Özdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm, eds. Istanbul: Archaeology and Art Publications, pp. 129–149.
- Özdoğan A., 1995. Life at Çayönü During the Pre-Pottery Neolithic Period (according to the artifactual assemblage). *Readings in Prehistory. Studies presented to Halet Çambel*. Istanbul: Graphis Yaymları, pp. 79–100.
- Özdoğan A., 1999. Çayönü. *Neolithic in Turkey. The Cradle of Civilization, New Discoveries*. M. Özdoğan, N. Başgelen, eds. Istanbul: Archaeology and Art Publications, pp. 35–63 (text), 20–35 (plates).
- PPND – the Platform for Neolithic Radiocarbon Dates. Benz M. Comments on radiocarbon dates of Epipaleolithic and Early Neolithic sites of the Near East. – URL: https://www.exoriente.org/associated_projects/ppnd.php (date accessed: 05.08.2020).
- Riehl S., Asouti E., Karakaya D., Starkovich B.M., Zeidi M., Conard N.J., 2015. Resilience at the transition to agriculture: the long-term landscape and resource development at the Aceramic Neolithic tell site of Chogha Golan (Iran) (Electronic resource). *BioMed Research International*. URL: <http://dx.doi.org/10.1155/2015/532481>.

- Rossignol-Strick M., 1999. The Holocene climatic optimum and pollen records of sapropel 1 in the eastern Mediterranean, 9000–6000 BP. *Quaternary Science Reviews*, vol. 18, iss. 4–5, pp. 515–530.
- The Neolithic in Turkey, 1. M. Özdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm, eds. Istanbul: Archaeology and Art Publications, 2011. 271 p.
- Watkins T., Baird D., Betts A., 1989. Qermez Dere and the Early Aceramic Neolithic of N. Iraq. *Paleorient*, vol. 15, no. 1, pp. 19–24.
- Watkins T., Betts A., Dobney K., Nesbitt M., 1995. Qermez Dere, Tell Afar: Interim Report no. 3. Edinburgh: University of Edinburgh. 83 p.
- Weninger B., Clare L., Rohling E., Bar-Yosef O., Böhner U., Budja M., Bundschuh M., Feurdean A., Gebe H.G., Jöris O., Linstädter J., Mayewski P., Mühlenbruch T., Reingruber A., Rollefson G., Schyle D., Thissen L., Todorova H., Zielhofer C., 2009. The Impact of Rapid Climate Change on Prehistoric Societies during the Holocene in the Eastern Mediterranean. *Documenta Praehistorica*, 36, pp. 7–59.
- Willcox G., 2013. The Roots of Cultivation in South-western Asia. *Science*, vol. 341, no. 6141, pp. 39–40.
- Willcox G., Buxo R., Herveux L., 2009. Late Pleistocene and Early Holocene climate and the beginnings of cultivation in northern Syria. *The Holocene*, vol. 19, № 1, pp. 151–158.
- Zelikson E.M., Kremenetskiy K.V., 1989. Palaeogeography of Jebel Sinjar region (Northern Iraq) in the 7th–6th millennia BC. Bader N.O. *Drevneyshiye zemledel'tsy Severnoy Mesopotamii [The earliest agriculturalists of Northern Mesopotamia]*. Moscow: Nauka, pp. 285–290. (In Russ.)